

УДК : 316.34

С. И. Сулимов

(к. филос. наук, доцент)

Воронежский государственный университет

(г. Воронеж, Россия)

e-mail: sta-sulimov@ya.ru**Черниговских И. В.**

(к. филос. наук, доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий

(г. Воронеж, Россия)

e-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

РУССКИЙ РАДИКАЛИЗМ И АНТИСИСТЕМНОСТЬ

Аннотация. В данной работе авторы прослеживают становление и деятельность русской радикальной интеллигенции, базирясь на учениях Л. Н. Гумилёва об антисистеме и О. Шпенглера о псевдоморфозе. Анализ генезиса радикальной интеллигенции показывает, что она производна от псевдоморфозы реформ Петра I и сохраняет синкретическое мировоззрение до наших дней.

Ключевые слова: антисистема, псевдоморфоза, синкретизм, радикальная интеллигенция, либерализм.

Современный мир в наши дни достиг наибольшего политического и экономического единства, чем в любой другой момент истории. Попытки создать единую мировую систему предпринимались в былые времена, по меньшей мере, трижды (если учитывать Римскую империю, Арабский халифат и империю Чингисхана). И все предыдущие всемирные государства были таковыми только по названию, потому что охватывали лишь известный их гражданам мир, не претендуя на неведомые им территории. Поэтому падения Рима (476 г.) и Багдада (940 г.) и распад империи монголов (1269 г.) являются лишь событиями регионального масштаба, хотя затронутые ими регионы были всё-таки огромными. Иначе обстоит дело в наши дни.

Единая мировая система, начавшая складываться в эпоху Великих географических открытий, завершила своё становление в 1990-е гг., когда мир перестал быть биполярным. И в наши дни каждый элемент мировой системы неразрывно связан с другими, как бы это ни огорчало противников глобализации. Например, кризис на Уолл-стрит влечёт за собой экономические проблемы во всём мире, а изменение цен на аравийскую нефть обогащает или разоряет торговцев горючим даже в России или Латинской Америке. Поскольку мировая система имеет множество элементов, то поддержание в мире равновесия является задачей колоссальной сложности и титанической ответственности.

В глобальном мире все общества, народы и культуры взаимодействуют между собой, и ни одно из них не может не только уединиться, но даже дозировать свои контакты с соседями. В таких условиях, кроме совершенно естественного обмена (как торговли, так и прозелитизма), не всегда, но часто имеют место два явления, открытых в XX в. отечественными и зарубежными исследователями. Речь идёт о псевдоморфозе и антисистеме. Термин «псевдоморфоза» ввёл в научный обиход немецкий философ О. Шпенглер в 1920-е годы. «Историческими псевдоморфозами

я называю случаи, когда чужая старая культура настолько сильно довлеет над страной, что местной молодой культуре нечем дышать и она не в состоянии не только создать свои выразительные формы, но даже не приходит к полному разворачиванию собственного самосознания. Всё, что поднимается из глубин молодой души, отливается в пустоты чужой жизни. Молодые чувства застывают в устаревших произведениях, и вместо подъёма собственного формообразования (*Gestaltungskraft*) до невиданных размеров вырастает только ненависть к чужой и далёкой силе» [1, с. 234].

Примером псевдоморфозы можно считать любой исторический случай политического и культурного господства зрелого общества над молодыми народами, ещё не создавшими собственных оригинальных форм общественной жизни. В результате представители молодых народов, вместо того, чтобы создавать оригинальные, понятные и близкие им формы государственности и духовной культуры, служат верой и правдой чужим образцам, которые они, к тому же, понимают по-своему, не так, как создатели этих образцов. Собственные же их творческие импульсы блокируются господствующей культурой, проверенной веками, но созданной в иных условиях и для иного общества.

Иное, более сложное явление представляет собой антисистема. Термин был введён в употребление отечественным исследователем Л.Н. Гумилёвым и популяризирован В. Л. Махначем, П. М. Корявцевым, А. В. Кизимом, И. С. Шишкиным и Д. М. Володихиным. Антисистема – это социально-духовная общность людей с негативным мирозерцанием, имеющая общее для своих членов, обычно синкретическое мировоззрение. Проще говоря, это люди, рассматривающие ситуацию, сложившуюся в их обществе, с позиции другого (например, иностранного) общества и поэтому воспринимающие реальное положение дел как неправильное и нуждающееся в исправлении. Но поскольку они видят ситуацию «чужими глазами», то лишь разрушают «неправильное», а желаемое создать не могут, потому что вдохновляющий их образец либо непригоден для данной ситуации, либо настолько синкретичен, что не может быть воплощён нигде и никогда.

Основатель учения об антисистемах Л. Н. Гумилёв выделяет два непреложных условия для возникновения антисистемы: «Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например, момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными, творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры» [2, с. 493]. Антисистемы нередко имеют эзотерическую структуру, то есть их социальная иерархия строится по принципу дозирования информации. А поскольку антисистемная доктрина состоит из несовместимых фрагментов разнородных культур, то её adeпты широко применяют ложь и умалчивание, стараясь скрыть противоречивость своего учения и привлечь к нему многочисленную аудиторию.

Отечественный исследователь В. Л. Махнач полагал, что позволительность лжи является родовой чертой всех антисистем: «...антисистемы синкретичны, все они сляпаны из далёких друг от друга систем, и только ценой лжи можно добиться их объединения в некое целое, иначе они несовместимы» [3, с. 57]. Примерами антисистем минувших эпох можно считать манихейство и родственное ему богомилство, исмаилизм (возникший на стыке зороастризма, манихейства и шиитского ислама), гаитянский культ вуду (противоестественный синтез католицизма и нигерийского язычества), китайскую секту «Белый Лотос» (синкретический кон-

структ апокрифического буддизма, конфуцианства, манихейства и, на позднем этапе, протестантизма) и многие другие сходные социально-духовные явления.

Антисистема действует против любой наличной социальной реальности в пользу умозрительных, противоречивых и поэтому неосуществимых идеалов, но первым её врагом всегда оказывается та культурная система, представители и идеи которой внесли в неё наибольший вклад. Кажется, будто антисистемная организация изначально готовится к противостоянию именно с создавшим её обществом.

Американский исследователь И. Валлерстайн употребляет термин «антисистема» для обозначения движений, направленных против породившей их системы: «Я придумал этот термин, чтобы объединить два понятия, появившиеся ещё в XIX веке – социальные движения и национальные движения. Я решил, что это оправданно, поскольку у этих движений были очень важные общие черты, они представляли собой параллельные формы сопротивления существующей исторической системе, в которой мы живём, и те, и другие хотели разрушить её» [4, с. 200-201]. А поскольку западное общество – не единственное, претендующее на создание мировой системы (выше мы указывали *рах романа* и *дар аль-ислам*), то утверждение исследователя актуально и для антисистем, борющихся с другими, неевропейскими обществами.

Основатель отечественного учения об антисистемах Л. Н. Гумилёв применял этот термин в рамках своей этнологической концепции, в то время как И. Валлерстайн рассуждает скорее о социально-экономической жизни, нежели об этносах. Ведь нельзя же считать западноевропейских социалистов или анархистов XIX в. иным по отношению к европейцам этносом. Получается, что антисистемы как явление необязательно базируются на этнических или национальных отношениях. В данной работе мы употребляем данный термин не в этнологическом, а в социально-культурном контексте.

Псевдоморфоза часто, но не всегда предшествует возникновению антисистемного движения. Двойственное, сотканное из различных, иногда несовместимых фрагментов различных культур мировоззрение складывается в псевдоморфозе гораздо легче, чем в духовно и политически едином обществе, но миграция идей может ведь происходить и сквозь политические границы. Например, манихейство сформировалось на политической границе античного и персидского миров (в Месопотамии), исмаилизм образовался из шиитского ислама, подвергнувшегося влиянию зороастризма, а «Белый Лотос» зародился и расцвёл в политически и культурно едином императорском Китае, синтезируя идеи апокрифического буддизма и манихейства. Идеи распространяются в рамках одного государства гораздо легче, чем между двумя и более противостоящими друг другу державами. Но в единой стране обычно доминирует целостная и органическая культура, которая делает не нужной и невозможной никакую антисистему. Для возникновения антисистемы необходим синкретизм, ни одна псевдоморфоза без него не обходится.

До сих пор мы говорили преимущественно об антисистемах минувших эпох, действовавших в далёких зарубежных странах. Но представляется более актуальным проследить становление антисистемы в России, потому что все мы испытываем на себе её воздействие. Не будет преувеличением сказать, что последние двести лет русской истории неотделимы от борьбы антисистемы против русской культуры и российской государственности. Иногда она терпела поражения, иногда брала реванш.

Псевдоморфоза в России сложилась в правление Петра I, и, к счастью, не была связана с иностранным завоеванием. Политическая и экономическая слабость России, обусловленная гражданской войной Смутного времени, делала страну уязвимой для северных и западных соседей, но европейские завоеватели и колонизаторы не успели осуществить вторжение. С. М. Соловьёв указывает на причину, побудившую царя приняться за реформы, не дожидаясь врагов: «В России в описываемое время видим застой в промышленности и торговле, бедность; в XVII веке видим условия, ещё более неблагоприятные для увеличения народного богатства, чем прежде: города и торговые сотни не могут справиться после разгрома Смутного времени, а новые тяжёлые войны не перестают истощать их» [5, с. 500]. Политическая вестернизация осуществилась во всей допустимой мере, экономика совместила в себе как западный (развитие мануфактур), так и оригинальный (крепостное право) типы, а вот система образования была позаимствована из Европы почти без изменений. Русские дворяне после указа о единонаследии (1714 г.) в обязательном порядке получали среднее и высшее образование, но сами гимназии, кадетские корпуса, военные и гражданские вузы были скопированы с западных аналогов. Учебниками в них служили переведённые с немецкого и французского языков пособия. Также сыграл немалую роль космополитический энтузиазм столичного дворянства, охотно приглашавшего иностранных учителей своим детям.

Так в крупных российских городах зародилась социально-духовная группа, сыгравшая в русской истории нового и новейшего времени роль «злого гения». Речь идёт о радикальной интеллигенции.

Авторы вышедшего в начале XX в. сборника «Вехи» С. Н. Булгаков и А. С. Изгоев указывали такую важную черту мировоззрения интеллигенции, как духовная беспочвенность. Сто лет спустя аналогично высказался отечественный исследователь А. Ф. Замалеев: «Что представляло собой это новое сословие, взявшее на себя труд образования и просвещения России? Одной из характерных её черт всегда признавалась *безосновность, беспочвенность* (курсив автора)» [6, с. 106]. Речь здесь идёт не о пёстром национальном составе российского дворянства, а о заимствованной из Европы образовательной модели. Русского ребёнка, будущего офицера и чиновника, учил иностранец по иностранной же книге, знакомил с передовыми французскими и немецкими идеями, актуальными на своей родине, в Европе, но часто неприменимыми к России. Особенно это касалось столичного дворянства и близкого к нему по интересам разночинства, в отличие от большинства помещиков, стремящихся к образованию и имеющих широкий кругозор.

При этом молодые люди, представители данной прослойки, вступая в жизнь, быстро обнаруживали, что российская социальная реальность не соответствует их идеалам, почерпнутым из европейских книг и от западных учителей. Иначе и быть не могло, потому что вестернизация Петра I носила выборочный характер, и царь-реформатор вовсе не стремился превратить Россию в точную копию Англии или Франции. Поэтому ориентированный на европейские порядки и идеалы юноша легко замечал это расхождение и стремился его исправить: российская реальность казалась ему «бракованным вариантом» европейской.

Если бы речь шла об обыкновенном дворянине или разночинце, то он уже через несколько лет службы навсегда забывал свои юношеские грёзы и вычитанные из просветительских книг идеи. К тому же, консервативный быт провинциальных помещиков мало располагал к отвлечённым размышлениям. Но, в то же время, столичное общество и тесно связанное с ним университетское образование привет-

ствовали широту взглядов. Молодой человек мог претендовать на успех в свете только при условии знакомства с западными идеями и приверженности европейской моде. Чиновная и военная служба, ожидающая вчерашних студентов, быстро приучала к реализму, но в XIX в. дворяне служили только по собственному желанию, а разночинцы изначально вообще не могли претендовать на государственные должности. Получалось, что почерпнутое от иностранца по иностранным образцам воспитание было востребовано не полностью: от царского чиновника или офицера требовалось владеть только своей специальностью, и знакомство с передовыми идеями западной философии оказывалось лишним. Поэтому профессиональная жизнь интеллигенции протекала в одном русле, а интеллектуальная – в другом.

Такое положение дел создало условия для раскрытия талантов А. С. Пушкина, который, не избегая ни высшего света, ни управления помещьем, находил в себе силы и потенциал для многожанрового литературного творчества; М. Ю. Лермонтова, в силу разностороннего воспитания легко совмещавшего поэзию с военной службой, и многих других деятелей «золотого века» русской культуры. Некоторые представители дворянства и интеллигенции не имели таких дарований, но научились глубоко разбираться в реалиях российской социально-политической жизни и решать её проблемы. Таким был шеф тайной полиции Николая I граф А. Х. Бенкендорф, выпускник пансиона аббата Николя, дававшего своим воспитанникам образование по французскому образцу. Однако граф, приобщившись к европейской культуре, всё-таки не потерял связи с российским обществом и только поэтому мог возглавлять одну из самых эффективных спецслужб своей эпохи.

Однако некоторые представители интеллигенции конструктивной деятельностью заниматься не хотели или не могли. Замыкаясь в узком кругу единомышленников, они мечтали об изменении социально-политического строя империи с тем, чтобы, во-первых, почувствовать себя в ней комфортно, а, во-вторых, чтобы идеалы их «книжной» юности оказались не пустой мечтой. Важную роль в формировании этого социально-духовного подполья сыграли тайные общества и кружки, служившие для военной и гражданской учащейся молодёжи аналогом клубов по интересам. Члены этих обществ очень хорошо видели те проблемы и изъяны российского общества, которые отличали его от Западной Европы, столь духовно близкой интеллигенции в силу образования и эрудиции последней. Большинство интеллигентов размышляли о природе этих различий (например, спор западников и славянофилов), искали компромисс или способы решения этих проблем, опираясь на западные или традиционно русские институты.

В середине XIX в. драматург и публицист П. Д. Боборыкин создал термин «интеллигенция» именно для того, чтобы обозначить эту группу образованных людей, посвящающих большую часть своих сил размышлениям. Данная общественная группа внесла в духовную жизнь России XIX в. огромный философский и литературный вклад, и далеко не все её представители настаивали на реформаторстве или консерватизме в политическом отношении, предпочитая заниматься научной и философской публицистикой.

Для того чтобы как-то вычленить из более или менее многочисленной группы очарованных европейским искусством или философскими идеями интеллигентов именно радикальную, политически ангажированную их часть, уточним само понятие радикализма. «Радикализм (от позднелат. *radicalis* – коренной, лат. *radix* – корень) – буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной дея-

тельности. Термин возник в Англии в конце 18 в. и затем, уже в 19 в., получил распространение в континентальной Европе и обозначал социальную и политико-философскую мысль, ориентированную на общественные, политические, экономические и культурные преобразования и соответствующую реформаторскую практику. (...) Особый тип радикализма – революционный радикализм, ориентированный на преодоление любых препятствий с применением насилия, характеризующийся нетерпимостью и жертвенностью. Радикализм такого рода имеет давнюю политическую и идеологическую историю борьбы за власть, территории и идеи, включая религиозную и этническую нетерпимость» [7, с. 395-396].

Таким образом, под радикализмом понимается стремление к коренным преобразованиям наличной действительности, не останавливаясь на полпути и не довольствуясь никакими компромиссами. Из приведённой выше цитаты ясно, что радикализм целей не всегда связан с радикализмом в средствах. К примеру, только революционный радикализм допускает применение насилия. Более того, некоторые радикальные мыслители осуждают своих же последователей, как только те становятся неразборчивы в средствах.

В начале XIX в. радикализировалось и перешло от размышлений к действиям лишь небольшое количество представителей интеллигенции. Начиная с неудачного переворота декабристов, они стремились уничтожить различия между российским и западным обществами, «исправить» Россию. Тем более что некоторые из них в силу личных особенностей оказались плохими работниками, в чём было гораздо удобнее обвинить царизм и российскую «отсталость», нежели собственную некомпетентность. Например, будущий основатель анархизма тверской дворянин М. А. Бакунин в юности был отчислен из военного училища за дисциплинарные нарушения. Один из авторов сборника «Вехи», С. Н. Булгаков с горечью писал о трудовых качествах радикальной интеллигенции: «Если мы попробуем разложить эту «антибуржуазность» русской интеллигенции, то она окажется *mixtum compositum*, составленным из очень различных элементов. Есть здесь и доля наследственного барства, свободного в ряде поколений от забот о хлебе насущном и вообще от будничной, «мещанской» стороны жизни. Есть значительная доза просто некультурности, непривычки к упорному, дисциплинированному труду и размеренному укладу жизни» [8, с. 48.].

Говоря о радикальной интеллигенции, важно понимать, что, невзирая на теоретические разногласия, её представители действовали и действуют в одном русле. Доктрины сменяют друг друга, но негласно существующая «партия» остаётся сама собой (всё той же?). Такая внутренняя стабильность при идейной изменчивости характерна для всех антисистемных социально-духовных групп. По меткому выражению французского историка О. Кошена, такая «Церковь» возникает раньше «Евангелия». Но всё-таки мировоззрение русской радикальной интеллигенции в своей основе имеет несколько европейских философских идей, которые в различных комбинациях встречаются почти у каждого её представителя. Ими являются воззрения представителей немецкой классической философии, идеи французских просветителей и учение позитивизма. Все три традиции как нельзя лучше подходят для мировоззрения реформаторов, стремящихся преодолеть влияние традиций.

Французское Просвещение изобилует проектами счастливого общества, ориентированными как в будущее (Н. Кондорсе), так и в прошлое (Ж.-Ж. Руссо), и утверждает, что человеку под силу реализовать эти проекты.

Немецкий объективный идеализм провозглашает индивидуального человека не властным не только над историей, но даже над собственной судьбой. Получается, что если история идёт к всеобщему освобождению, установлению царства свободы вместо царства необходимости, то этому движению следует по мере сил способствовать, а протесты людей, не разделяющих данную точку зрения, можно не учитывать. Получается, что некий крайне просвещённый и мудрый «герой», зная направление и цели мирового развития, всячески пытается ускорить его, параллельно преодолевая сопротивление консервативного большинства. Именно в силу этой идеи радикальная интеллигенция уже почти два века настаивает на своём превосходстве над «косными филистерами» и «тёмными обывателями» (впервые употребил эти ярлыки П. Н. Ткачёв). Для «обывательского» же общества все эти столетия остаётся открытым вопрос: почему радикальные интеллигенты уверены, что знают направление исторического процесса или даже конечную его цель (анархия, коммунизм или глобальный либерализм)?

Позитивизм же отрицает наличие в мире всего, что не может быть верифицировано, и поэтому является весьма удобным орудием для борьбы с духовными основаниями наличного положения дел. Русской радикальной интеллигенции также мог понравиться закон «трёх стадий», согласно которому теологическая стадия развития общества будет заменена научной, то есть в силу объективных и непреложных законов духовному диктату православия будет положен конец.

Возникает закономерный вопрос: почему радикальная интеллигенция во все времена позиционирует себя по отношению к православию, мягко говоря, неприязненно? Ни один её представитель не даёт внятных объяснений на этот счёт, но все они едины в том, что христианство отвлекает людей от улучшения земной жизни. Так, А. И. Герцен пишет, что религия создана для того, чтобы правитель мог «страшать адом» своих подданных [9, с. 63], а М. А. Бакунин именует христианство не иначе как «маковыми цветками», усыпляющими народные массы [10, с. 162]. Современный представитель радикальной интеллигенции Э. В. Лимонов высказался в традиции своих предшественников: «Попы сами себя спасти не умеют» [11, с. 241].

Думается, что православное христианство казалось и кажется радикальной интеллигенции духовной санкцией текущего положения дел. Мы имеем в виду не сотрудничество Церкви и государства, а метафизический аргумент всех бунтарей мира: если Бог сотворил мир, и этот мир неудобный и неуютный, то Бог – плохой творец и без Него было бы лучше. Вряд ли М. А. Бакунин или Э. В. Лимонов выразили бы эту мысль такими словами, но общий вектор их мышления был и остаётся примерно таким. Поэтому Л. А. Тихомиров, говоря об отечественных и зарубежных радикалах, удачно назвал их «строителями царства человеческого». Такое меткое определение можно было бы дать идеологам многих антисистемных движений.

При этом все три указанных нами философских основания перерабатываются радикалами в том ключе, который наиболее подходит для санкционирования преобразований. Например, Н. Г. Чернышевский использовал позитивистскую методологию в критике христианского учения о душе, предпринятой им для отождествления прогресса с материальным благополучием. А. И. Герцен часто обращается к гегельянству, как бы забывая, что немецкий философ не призывал помогать мировой необходимости.

Доктрины радикальной интеллигенции прошли следующую динамику, сохраняя при этом как философские основания, так и общую направленность. Начиная с

декабристов (П. И. Пестеля и Н. М. Муравьёва), радикальная интеллигенция вступает в конфронтацию с властью, при этом с каждым новым поколением радикалов их программа желаемого будущего становится всё более аморфной. Если декабристы имели чётко прописанные проекты политических реформ (и П. И. Пестель, и Н. М. Муравьёв даже написали черновики конституции на случай успеха), то уже разночинцы А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский говорят об абстрактном демократизме и грядущем коммунизме. Причём, коммунизм должен наступить как бы сам собой, в силу естественного хода вещей. Затем, когда царское правительство действительно встало на путь реформ и во многом демократизировало систему управления, радикальные политические проекты смещают акцент на революционную стратегию и тактику.

Так, М. А. Бакунин требует установления анархии во всём мире и призывает к вооруженной борьбе за неё, игнорируя реально происходящие положительные изменения в российском государственном устройстве и подлинную демократизацию западноевропейских стран. П. Н. Ткачёв формулирует концепцию «партийной диктатуры», при помощи которой ориентированное «на будущее» меньшинство сможет перевоспитывать инертное большинство при помощи любых, даже далёких от демократии средств. Л. Д. Троцкий прямо утверждает, что для построения коммунизма придётся ещё долгие десятилетия сохранять государство и с его помощью выводить новую породу людей. Именно он окончательно порвал с характерной для утопистов XIX в. традицией радения за «человечество», объявив, что для победы классовой (пролетарской) диктатуры допустимы любые зверства в адрес других классов: «Террор царизма был направлен против пролетариата. Царская жандармерия душила рабочих, боровшихся за социалистический строй. Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот...оттенок? Да? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно» [12, с. 9].

Затем было испытание проектов радикальной интеллигенции гражданской войной (1917-1922 гг.), в ходе которой коммунисты (политическим и идейным лидером которых был Л. Д. Троцкий), анархисты (Н. И. Махно) и наследники разночинцев (эсеры) смогли померяться силами и попытаться реализовать свои идеалы. Победившие коммунисты быстро обнаружили, что для свершения мировой революции или хотя бы построения социализма в «отдельно взятой стране» необходима позитивная, созидаящая программа. Тем более что вопреки мнимой исторической необходимости, коммунизм никак не наступал «сам собой», и даже энергичные попытки устранить мешающие факторы приводили только к новым проблемам. Поэтому в 1920-1930-е гг. радикалы-троцкисты были отстранены от власти, а их место в партии и на производстве заняли профессионалы-функционеры. Великая Отечественная война окончательно вытеснила антисистемные элементы из властных структур, потому что ясно показала, какие идеалы приносят победу, а какие только мешают.

В дальнейшем радикализм интеллигенции не исчез, но ушёл в подполье диссидентского движения. Здесь он претерпел некоторые изменения. Советские спецслужбы бдительно следили за тем, чтобы деятельность диссидентов не переходила границы их «тайных обществ», наследников салонов и кружков XIX в. Хотя идеи «шестидесятников» не получили такого яркого литературно-публицистического выражения, как, к примеру, анархизм М. А. Бакунина, но именно из этой среды вышли будущие вдохновители Перестройки и политические лидеры 1990-х гг. В

наши дни наследником радикалов XIX – начала XX вв. является лидер запрещённого национально-большевистского движения Э. В. Лимонов (Савенко). Его позицию можно назвать многократно упрощённым троцкизмом. Вряд ли у этого течения есть шансы не то что на захват власти, но даже и на представительство в её структурах.

Однако не стоит считать антисистему поверженной. Просто в 1960-70-е гг. среди представителей радикальной интеллигенции получил популярность либерализм, известный в России с конца XVIII в., но вошедший в моду именно во второй половине XX в. в силу идеологического противостояния СССР и США. Либерализм заинтересовал многих диссидентов не потому, что мог решить какие-то проблемы советской действительности, а в силу того, что в середине XX в. это учение было очень популярно в западных странах. Между тем либеральная идеология гораздо более экзотична для России, чем, к примеру, анархизм. Если анархисты часто апеллировали к традициям казачьей вольницы, то либералы были и остались маргинальными. Вот как характеризует русский либерализм отечественный исследователь В. В. Леонтович: «Хотя суть либерализма в России была совершенно тождественна с сутью западного либерализма, и он в России должен был преодолеть абсолютистское и бюрократическое полицейское государство и прийти ему на смену, всё же необходимо отдавать себе отчёт в том, что у русского либерализма не было этих важных исторических корней (развитого феодализма и церковной независимости – авт.). И идеологически и практически русский либерализм, в общем, был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне» [13, с. 3].

Ярким представителем современного отечественного либерализма являлся покойный Б. Е. Немцов. Его социально-философские взгляды доступно изложены в работе «Провинциал». Данный автор настаивает на необходимости либерализации России: «Имперское сознание присуще многим, кто сейчас стремится к власти. Это грозит России произволом вследствие психологии, свойственной российской бюрократии и традиционным политическим концепциям. Для таких политиков «империя» предстаёт в крайнем, оголённом варианте: полное пренебрежение правами, свободами граждан. Для страны это беда. Либерализм для России гораздо более целебное лекарство, чем доведённое до абсурда государственничество. Причём, наиболее эффектно, когда либерализм достигается нелиберальными методами» [14, с. 66].

Это высказывание, что называется, с двойным дном. С одной стороны, либеральный политик переживает о правах и свободах граждан, но тут же советует достигнуть либерализма нелиберальными методами. То есть всё, что ведёт к либерализму – законно? Тогда между Б. Е. Немцовым и тем же Л. Д. Троцким нет никакой разницы. Если в начале XX века считалось выше права всё, что приближает диктатуру пролетариата, то с точки зрения Немцова хорошо всё, что в конечном итоге ведёт к либерализму. Это даёт нам возможность говорить о радикальном либерализме, поскольку приведённая выше цитата указывает на готовность либерального мыслителя применять любые методы ради коренной ломки российской реальности. В наши дни «нелиберальные методы» либеральных радикалов уже известны всей стране благодаря хулиганским выходкам художественных групп «Война» и «Pussy-Riot».

Говоря о России, Б. Е. Немцов не скрывал негативного отношения к ней: «Рабское сознание в нас (русских – авт.) сидит, возможно, прочнее, чем в других народах. Тут, конечно, отвечает российская история. В России бунтарей, людей,

свободно мыслящих, убивали, физически уничтожали. И, может быть, произошёл некий естественный отбор. Значит, сейчас у нашего народа должна произойти регенерация свободомыслия и вольнодумства. Дети, родившиеся в эти последние годы, уже другие. Я смотрю на свою дочь, ей двенадцать. У неё есть своя позиция, свои взгляды, она может не соглашаться, спорить, она вообще не понимает, как чужое мнение может стать самодовлеющим для всего общества. Она принадлежит к поколению, которое может жить в свободной стране» [14, с. 28]. Получается, что Россия – оплот мракобесия, где благодаря усилиям либералов начинает появляться новое поколение. Но если посмотреть на характеристику, которую Немцов считает для этого поколения основополагающей, описывая свою дочь, то смысл опять ускользает. Как признаётся реформатор, дочь не может себе представить, чтобы чужое мнение было в обществе главенствующим. Значит, она не приемлет ничего, кроме своего собственного. Это уже не либерализм, не любовь к свободе, а необузданный эгоизм. Также, говоря о России, Немцов прямо заявляет: «Россия – жестокая страна. И она не прощает людям даже то хорошее, что они хотели для неё сделать. Почему? Не знаю» [14, с. 32]. Подобно тому, как декабристы видели своим идеалом федеративные США, разночинцы ориентировались на французских социалистов-утопистов, М. А. Бакунин мечтал об анархии во всём мире, а Л. Д. Троцкий был готов принести Россию в жертву немецкой доктрине К. Маркса, единомышленники Б. Е. Немцова совсем не против установить в России либерализм западноевропейского образца, применяя для этого любые средства.

Мы рассмотрели динамику взглядов русской радикальной интеллигенции на протяжении XIX–XXI вв. Теперь необходимо уяснить, что речь идёт вовсе не о развитии русской духовности. Радикальная интеллигенция – это антисистемная социально-духовная общность, которая связана с русской культурой примерно так же, как раковая опухоль связана с организмом. Создаваемые ею доктрины – не новое слово в отечественной социальной философии, а её отрицание, равно как и политические движения радикальных интеллигентов – не эволюция российской государственности, а удары по ней. Точно так же возникновение исмаилитского движения не было новым этапом в развитии шиитского ислама, а «небесное государство всеобщего благоденствия» – не новый виток китайской истории.

В деятельности русской радикальной интеллигенции (как «левой», так и либеральной) заметны все родовые черты антисистем, среди которых синкретическое происхождение, противоречивость идеалов и методов (позволительность террора ради всеобщего счастья) и даже дозирование информации (антироссийская направленность в пропаганде выдаётся за борьбу во имя народного блага). И, конечно же, эта антисистема не принесла России ничего, кроме вреда. Недаром реформы Александра II удалось осуществить лишь после высылки из страны А. И. Герцена, да и то в разгар благотворных преобразований царь был убит именно народовольцами, а не, к примеру, сторонниками реставрации крепостного права. Радикальные интеллигенты из «Народной воли», будь они на самом деле сторонниками передовых реформ, а не уничтожения породившего их общества, должны были бы всячески сотрудничать с прогрессивным императором, а не покушаться на его жизнь. То же самое повторилось в первые десятилетия советской власти, когда начать восстановление страны удалось лишь после очищения партийных рядов от «профессиональных революционеров». И в наши дни правительству удалось хоть как-то стабилизировать экономическую обстановку в стране только после того, как наиболее убеждённые либеральные радикалы были отстранены от власти.

Возникает закономерный вопрос: может быть, идеалы, почерпнутые радикальной интеллигенцией из западной социально-философской мысли, непригодны только для российского общества? Вовсе нет. Как известно, А. И. Герцен, некоторое время прожив в Англии, подверг критике местные социальные отношения с не меньшим пылом, чем делал это в России. М. А. Бакунин участвовал, в основном, в европейских революционных событиях и отбывал наказание в европейских тюрьмах. Л. Д. Троцкий открыто стремился к революции во всём мире, и для противодействия этому стремлению европейские страны были вынуждены предпринять интервенцию против Советской России. Представители диссидентского движения открыто не высказывались против западных стран, но многие из них, прожив в эмиграции какое-то время, вернулись на родину. Один из них, Э. В. Лимонов в работе «Анатомия героя», критикуя российскую действительность, писал и о том, что в Западной Европе и США дела обстоят не лучше. Следовательно, антисистемная доктрина не применима ни к какой социальной реальности, хотя наибольшую неприязнь у неё вызывает именно породившее её общество.

Думается, антисистема может быть сведена с исторической сцены только в случае переосмысления чужеродного культурного компонента, вдохновляющего её адептов. Бесспорно, духовная изоляция от соседей, как западных, так и восточных, может привести только к обеднению российской культуры. Но культурные и политические заимствования могут быть плодотворными только в случае их приспособления к российским особенностям. Например, А. С. Пушкин, написав «Руслана и Людмилу», создал этим русский аналог легенды о короле Артуре. И эта поэма не могла бы быть написана, если бы поэт прежде не ознакомился с английским эпосом. Но также эта поэма не возникла бы, если бы не предшествовавшее ей отечественное творчество Г. Н. Державина и народные сказки Арины Родионовны. То же самое можно сказать относительно западных политических идей и социально-философских учений, если они будут приниматься не как непогрешимый образец, а в качестве одной из точек зрения на общие проблемы. Ведь и Александр II в своих реформах опирался на передовой западноевропейский опыт, но совмещал его с доскональным знанием жизни российской глубинки, а не только механически копировал западные институты и идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер О. Закат Европы в 2 т. Т 2. – Минск : Поппури, 2009. – 704 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М. : АСТ, 2004. – 556 с.
3. Махнач В. Л. Политика. Основные понятия. – М. : Синергия, 2005. – 319 с.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. – М. : Территория будущего, 2006. – 248 с.
5. Соловьёв С. М. Об истории Древней России. – М. : Просвещение, 1992. – 544 с.
6. Замалеев А. Ф. Семестровый курс по истории русской философии // Русская философия. Новые исследования и материалы. – СПб. : Летний сад, 2001. – 398 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т 3. / Институт философии РАН. – М. : Мысль, 2001. – 692 с.
8. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Сб. : Вехи. Интеллигенция в России. 1909-1910. М. : «Молодая гвардия», 1991. – С. 25-69.
9. Теряев Г. Д. Философия русских революционных демократов XIX века. – М. : Мысль, 1967. – 70 с.
10. Бакунин М. А. Анархия и Порядок. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 704 с.
11. Лимонов В. Э. Анатомия героя. – Смоленск: Русич, 1998. – 480 с.

12. Троцкий Л. Д. Перманентная революция. – М. : АСТ, 2005. – 570 с.
13. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762-1914. – М. : Русский путь, 1995. – 549 с.
14. Немцов Б. Е. Провинциал. – М. : Вагриус, 1997. – 150с.

S. I. Sulimov

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)

e-mail: sta-sulimov@ya.ru

I. V. Chernigovskikh

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University of engineering technologies (Voronezh, Russian Federation)

e-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

RUSSIAN RADICALISM AND ANTI-SYSTEMACITY

Annotation. *In this work the authors trace the formation and activities of the Russian radical intelligentsia, based on the teachings of L. N. On Gumilev's anti-system and O. Spengler about pseudomorphoses. The analysis of the Genesis of the radical intelligentsia shows that it was derived from pseudomorphs reforms of Peter the great, and saves a syncretic world-view to the present day.*

Key words: *antisystem, pseudomorphos, syncretism, radical intellectuals, liberalism.*

Поступила в редакцию 01 октября 2016 года